

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДОНОРСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В КОМПАРАТИВНОЙ МОДЕЛИ МИРА И. БАБЕЛЯ

Барменкова О. П.

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

У статті розглянуто структуру донорської зони компаративної моделі репрезентації концепту “людина” крізь призму теорії предикатів в індивідуальній картині світу І. Бабеля. У донорській зоні людина представлена як людина фізична і людина психічна, а також предмети, природа, тварини. Аналіз концептів, які виступають у картині світу І. Бабеля предметами компаративних відношень, свідчать про те, що властивості предмета описуються переважно як такі, що онтологічно властиві йому; саме з них за допомогою прототипу об’єктивуються деякі з них.

Ключові слова: мовна картина світу, І. Бабель, компаративна модель, предикат, картина світу.

В статье рассматривается структура донорской зоны компаративной модели репрезентации концепта “человек” сквозь призму теории предикатов в индивидуальной картине мира И. Бабеля. В донорской зоне человек представлен как человек физический и человек психический, а также предметы, природа, животные. Анализ концептов, выступающих в картине мира И. Бабеля предметами компаративных отношений, свидетельствует о том, что преимущественно свойства предмета описываются как онтологически присущие ему качества, из которых с помощью прототипа объективируются некоторые из них.

Ключевые слова: языковая картина мира, И. Бабель, компаративная модель, предикат, картина мира.

The article discusses the structure of the donor area of comparative model representation of the concept of the theory of man through the prism of predicates in the individual picture of the world of Isaac Babel. In the donor area man is presented as a human physical and psychic human as well as objects, nature, animals. Analysis concepts acting picture Babel world objects comparative relationship indicates that the object properties are described primarily as ontological inherent quality of which is the prototype objectified through some of them.

Keywords: language world, Isaac Babel, comparative model, the predicate, the picture of the world.

Вопросы, связанные с разработкой понятия “картина мира”, относятся к числу фундаментальных направлений современной лингвистической науки. Это связано с тем, что феномен картины мира является атрибутом мышления человека, а создание первых картин мира совпадает по времени с процессом антропогенеза. В настоящее время наблюдаются различные аспекты в изучении и анализе языковой картины мира. Это и теоретико-эпистемический аспект (Б. А. Серебренников, Ю. Н. Караулов, Г. Г. Почепцов), семантико-прагматический (В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, Е. А. Селиванова), этнокультурный (Г. Д. Гачев, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), славянотипологический (В. В. Иванов, М. В. Попович), психологический (А. А. Залевская, В. П. Мусиенко), текстоцентрический и индивидуально-авторский (Л. П. Иванова, Ю. С. Лазебник), а также интерпретация языковых явлений в контексте картины мира и в частности метафоры и сравнения (А. Д. Шмелев, Н. П. Тропина, В. Н. Телия).

Предметом нашего исследования стала языковая личность Исаака Бабеля, который своей художественной манерой выделяется даже среди ярких и своеобразных литературных дарований 20-х годов XX столетия. Сквозь угрюмый реализм его произведений рельефно и выпукло проступает образ романтика-мечтателя, стремящегося подняться над хаосом революции, бедностью и страданиями. В произведениях талантливого одессита языковая картина

мира предстає одночасно і причудливо-фантастичною, і безжалостно реалістичною. Використанням цього матеріала досягається задача вивчення як укорених в мові стереотипів сприйняття світу, так і шляхів їх художнього подолання, чим і обумовлено вибір об'єкта аналізу.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Незважаючи на значительну кількість праць, присвячених цьому питанню (Н. Д. Арутюнова, Р. А. Будагов, Ю. В. Герасимова, Л. В. Голоух, Л. П. Іванова, В. П. Ковалев, Х. Д. Леємето, Л. І. М'яснянкіна, В. В. Образцова, Г. А. Основина, Ю. С. Степанов, О. В. Шинкаренко) [1; 3; 4; 5; 6; 11; 13; 16 і др.], методика аналізу антропоцентричної парадигми мови все ще перебуває на стадії становлення.

Вивчення мовної картини світу письменника вже по визначенню може бути тільки змістовним шляхом "прорубування просяк" [14, с. 5 – 39] в екзистенціальному масиві мовного буття. В запропонованій статті мовна картина розглядається крізь призму компаративних тропів порівняння і метафори, які розглядаються як елементи системи, реалізуючі прагматичні функції мови. Компаративні тропи не тільки фіксують елементи картини світу, як всі мовні одиниці, але і показують їх формування, т.е. вони є динамічними моделями. Метафора і порівняння – це гнучкі засоби репрезентації значення, вони експліцирують роботу пізнання в процесі освоєння світу, оскільки фіксують точку зору сприймаючого, що обумовлює актуальність дослідження не тільки в контексті проблематики мовної особистості, але і в психолінгвістичному аспекті. По-перше **цілью** статті є розгляд структури донорської зони компаративної моделі репрезентації поняття "людина" крізь призму теорії предикатів в індивідуальній картині світу І. Бабеля.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов. Компаративные тропы представляют собой образования, несущие определенный "промежуточный" элемент, который связывает фрагменты картины мира. Эта связь может носить как логический, так и образный характер. Выяснение степени прагматической значимости компаративных тропов в проекции на индивидуальную модель мира И. Бабеля тесно связано с теоретическими аспектами данной проблемы. И метафора, и сравнение как образные языковые средства в научной лингвистической литературе получили достаточно широкое освещение (Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, Т. К. Кучеренко, Л. И. М'яснянкіна, М. И. Черемисина и др.) [1; 7; 9; 11; 15].

В нашем исследовании для анализа компаративной модели мы употребляем термины: прототип, предмет и основание. Понятие прототип в современной когнитивной лингвистике употребляется как "лучший представитель класса". В таком наполнении он может применяться и к объекту – носителю признака, способного заменить целое понятие – предмет сравнения. Н. Д. Арутюнова, исследуя сравнительный механизм метафоры, употребляет термины *субъект сравнения* и термин *сравнения* [1, с. 233 – 236]. И. К. Кучеренко оперирует понятиями *субъект сравнения* и *объект сравнения* [9, с. 6]. Однако, по нашему мнению, в исследовании индивидуальной модели мира термин *субъект сравнения* приобретает оттенок многозначности: он применяется скорее к человеку, проводящему операцию сравнения. На наш взгляд, целесообразнее использовать термины предмет – *прототип* и *основание*, т.е. тот признак, по которому сравнивают объекты, а термин *модель* использовать применительно ко всей сравнительной конструкции. Исходя из этого, в сравнении присутствуют два объекта, которые в этом отношении играют неодинаковую роль; эти объекты должны быть отличными друг от друга, но в них должно быть что-то такое, что делает их тождественными и позволяет сравнивать друг с другом. Основанием сравнения считается свойство (или совокупность свойств), благодаря которому два предмета могут образовывать компаративное отношение, в результате которого их возможно сравнить. Так же мы рассматриваем и метафору, поскольку в её основе лежит всё тот же компаративный механизм. В терминах психологии восприятия предмет

сравнения мы обозначаем как *реципиентная зона*, а прототип сравнения – *донорская зона* [см: 2, с. 14 – 17]. Хотя отражаемая сравнением психическая операция связана с сопоставлением двух объектов по некоторому основанию, в подавляющем большинстве случаев непосредственной целью сравнения являются те или иные проявления сравниваемого – именно они соотносятся с вневременными свойствами объекта сравнения. Строго говоря, с семантической точки зрения основание сравнения выступает в имплицитном виде как метапредикат сопоставляемых предикатов. Такой взгляд на семантику сравнений не отрицает значимости рассмотрения семантических свойств субстантивных *предмета (реципиентная концептосфера)* и *прототипа (донорская концептосфера)* сравнения, но лишь предполагает целесообразность при анализе субъектов сравнения рассмотрения и предикатов, сочетающиеся с ними.

Анализ компаративных конструкций в произведениях И. Бабеля обнаруживает антропоцентричность мировидения писателя: человек выступает предметом компаративных конструкций в 1453 единицах (около 70% фиксаций). При этом особенностью бабелевской прозы является преимущественное использование “человека” в донорской зоне в сравнении, тогда как в метафорах “человек” не является главным объектом внимания автора.

Донорская концептосфера “Человек”

“Человек” является прототипом сравнения в 624 компаративных тропах. Если при этом учесть, что человек как предмет сравнения составляет 70%, становится очевидным, что система сравнений у И. Бабеля антропоцентрична. Антропоморфизм наблюдается по преимуществу в кругу метафор.

Чаще всего человек выступает прототипом сравнения для человека, ср.: *Жила **кузина**, ходила в синагогу два раза в неделю – в пятницу вечером и в субботу утром, синагога была хасидская, там **доплясывались** на пасху до иступления, **как дервиши** (II, 149). А на дворе **казаки** сидели уже вокруг своего котла. Они сидели неподвижно, **как жрецы**, и не смотрели на гуся (II, 35). **Нафтула** плелся со своим мешком, **как сборщик подати** (I, 48).*

В приведенных примерах сравнительных оборотов автор лишь указывает на прототип сравнения в целях характеристики образа, полагая, что сам прототип достаточно колоритен. В подобной роли используются и субстантивированные адъективы: *Арье Лейб, – сказал Бройдин сильным своим голосом, – прочитайте телеграммы из Татареспублики, где крупные количества татар голодают, **как безумные**; – Вот, – сказал Евзель, – вы хватились вчера вечером, что **помощник** купил себе через вас молотилку, так будьте известны, что, переночевав, он убежал на рассвете, **как самый последний** (I, 124).*

Однако прототип иногда представляется автору недостаточно однозначным, в таком случае он конкретизируется: *Тот повернулся на каблуках, шпоры его застонали, он вышел со двора, **как ординарец, получивший эстафету**, и снова сделал сто верст для того, чтобы найти начальника штаба, но тот прогнал от себя Хлебникова (I, 52); Он курил и вздрагивал, **как беглец, приведенный в тюрьму после погони** (I, 35); Оба они прошли мимо нее, раскачиваясь, **как девушки, узнавшие любовь**, они шептались между собой и стали опосля двигать руками, показывая, как бы они обняли Баську (II, 118).* Конкретизация прототипа носит отпечаток индивидуальности автора, внимательно всматривающегося в окружающий мир.

В творчестве И. Бабеля соположение в компаративной конструкции лиц обнаруживает тенденцию к сниженному, а порой и ироничному прочтению прототипа сравнения: *И только на пароходе “Галифакс” непроницаемый боцман стоял у трапа, **как часовой в бурю** (II, 158).*

Негативные коннотации, возникающие в результате сравнения, зачастую связаны с отрицательным прочтением номинативной сущности прототипа сравнения или же при нейтральном восприятии его отрицательной интерпретации, обеспечивающейся контекстным окружением, в частности определительными членами, акцентирующими внимание на негативном. В сочетании с личностными субъектами наиболее значительную группу составляют объекты,

обладоающие признаком антропометричности. В столкновении концептов “человек” – “человек” преобладает тенденция к ироничной характеристике предмета компаративной конструкции, что связано с преимущественным наличием у прототипов экспрессивных коннотаций или несовпадением ситуаций, в которых проявляются атрибуты сравниваемых сущностей. Напр.: *Забыв войну и залпы, хасиды поносили самое имя Ильи, виленского первосвященника, и я ... тоже толкался среди них ..., пока не увидел перед собой галичанина, мертвенного и длинного, как Дон-Кихот* (I, 76).

Появление дополнительной оценочности при сравнении лиц связано с тем, что, хотя в сравнении акцентируется внимание на общности лишь одной черты (реже – нескольких), прототип сравнения содержит в себе дополнительные коннотации, возникающие на основе знания о других свойствах этого объекта.

Частотными в творчестве И. Бабеля являются сравнения, в которых прототипом выступает лицо, характеризуемое по религиозному признаку: *Давидка посмотрел на него с недоумением и помахал малиновыми ножками в младенческом поту, а старик стал ходить по комнате и, раскачиваясь, как цадик на молитве, запел нескончаемую песню* (I, 138); *А через неделю, когда я пришел к Евзею покупать голубей, я увидел нового управляющего на Любкином дворе. Он был крохотный, как раввин наш Бен Зхарья* (II, 141). Это связано с тем, что тема иудаизма, как и еврейская тема вообще, особенно ценна для писателя.

Как образованного человека, И. Бабеля интересуют и христианские храмы, и христианские учения. Однако в сравнительной интерпретации христианских реалий пиетет отсутствует. Прототип, с точки зрения христианина, является сплошным богохульством. Ср.: *Их бог лежал в церкви, закоштеневиший и начищенный, как мертвец, уже обмытый в своем доме, но оставшийся без погребения* (II, 199); *Глаза апостолов сверкают мудростью, решимостью, весельем, в глазах их ртов бродит тонкая усмешка, на двойные подбородки посажены огненные бородавки, малиновые бородавки, как редиска в мае* (II, 87).

Еврейская тема, даже при дескриптивно-негативном представлении, согрета теплом. Ср.: *Как все евреи, я был мал ростом, хил и страдал от ученья головными болями* (II, 130); *Бендерская писала утомительно правильно, безжизненно и развязно – так, как писали ранние евреи на русском языке* (II, 218 – 219).

Достаточно широко представленная в сравнениях, концептосфера “человек” в метафорах в качестве прототипа компаративного отношения для человека привлекается очень редко.

Личные имена, такие любимые, например, Шолом-Алейхемом в качестве прототипов (у него встречаются и Ротшильд, и Тартаковский, и Рабинович и другие), у И. Бабеля редко служат целям сравнения – во всём массиве компаративных конструкций нами зафиксировано лишь 4 случая: *Тепер он миллионер в Нью-Йорке, директор “General motors”, компании столь же могущественной, как и Форд* (II, 162); *Графиня Тышкевич, прекрасная, как Мария-Антуанетта* (II, 201); *Я тоже толкался среди них..., пока не увидел перед собой галичанина, мертвенного и длинного, как Дон-Кихот* (I, 76); *Он был крохотный, как раввин наш Бен Зхарья* (I, 128).

Последнее высказывание оригинально тем, что это образец “обратного сравнения”, является характерным приемом у И. Бабеля. Если характеристика могущественности путем апелляции к Форду, красоты – к Марии-Антуанетте естественна (“частное” через “общее”), роста – к Дон-Кихоту, то сопоставление персонажа Цудечкиса – его роста с таким же неизвестным читателю Бен Зхарьей характеризует скорее последнего, ибо о нём в тексте больше ничего нет. Однако для читателя это дает несравненно больше – он чувствует, что автор любит изображаемую жизнь, и Бен Зхарья – часть этой жизни, которая всегда с автором.

Приведение других реалий в компаративные отношения с “человеком” единичны. Ср.: *Конь под моим тузом, как купцова дочка, но пристал* (I, 54); *... факелы плясали, как черные девы* (I, 108); *Камешек лежал перед глазами, камешек выцербленный, как лицо старухи с большой челюстью* (I, 134).

Однако в сфере метафор наблюдаем обратное: Бабель “очеловечивает” всё – природу, абстрактные понятия, предметы: *Суббота вошла на свое кресло из синей тьмы* (II, 27); *С вытекищими глазницами хасидизм все еще стоит на перекрестке истории* (I, 35); *Пустыня войны зевала за окном* (I, 35); *Волинь уходит, вползает, пугается ...* (II, 6).

Донорская концептосфера “Предметы”

Чаще всего предмет используется для образной характеристики человека – преимущественно в аспекте физическом, хотя у И. Бабеля встречаются и обычные, типизированные сравнения: *Я присел, как мешок, на длинной сухой спине жеребца* (I, 97); *Ноздри его раздувались, как кузнечьи меха* (I, 38). Однако чаще всего автор прибегает к нерастиражированным прототипам: *И комендант ввел в кабинет старика в парусиновом балахоне, громадного, как здание, с прикрытым глазом и изуродованным лицом* (I, 17); *Пьяницы валялись во дворе, как сломанная мебель* (II, 123); *Он встал и пурпуром своих рейтуз, малиновой шапочкой, сбитой набок, орденами, вколоченными в грудь, разрезал избу пополам, как штандарт разрезает небо* (I, 35); *Трунов был уже ранен в голову в то утро, голова его была обмотана тряпкой, кровь стекала с нее, как дождь со скирды* (I, 76).

В каждом из приведенных оборотов имеется изрядная доля преувеличения признака по мере, но при этом качественный аспект явления выражен чисто, и в целом такие обороты оказывают сильное впечатление. Так, вряд ли можно представить, даже с натяжкой, человека, огромного, как здание, но, вероятно, автор хотел подчеркнуть его мощь, грубость, прямоугольность (ср. в современной разговорной речи на Украине: *здоровий, як тюрма, як двері*). Точно так же, вряд ли с обмотанной головы кровь может стекать, скорее, она сочится, но сравнение с тем, как по соломинам капля по капле стекает дождь, вызывает ужас перед кровавостью войны.

Прототипы компаративных конструкций у И. Бабеля преимущественно зримые, т.е. автор скорее “приглядывается” к миру, нежели “прислушивается”, “принюхивается” и т.д. Однако в ряде случаев писатель использует предметные концепты музыкальной культуры: *С желудком пустым, как духовой инструмент, Гершеле поплелся домой* (II, 186); *Нездешнее вино разогрело желудки, сладко переламывало ноги, дурманило мозги и вызывало отрыжку, звучную, как призыв боевой трубы* (I, 109).

Как и следовало ожидать, предмет мало приспособлен для передачи, интерпретации нравственных черт человека. Это возможно лишь в тех случаях, когда предмет получает дополнительную идеологическую нагрузку, ср.: *Три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин, и над ними царила восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток торы, крохотная и горбатая* (I, 120).

Действительно, сравнение старой Рейзл со свитком торы имеет двусмысленный характер: в нём есть и апелляция к содержанию (традиционность, неизменность законов торы), но и внимание к внешнему облику: всё-таки автор говорит о свитке торы, а не о торе.

Предмет как прототип сравнения гораздо реже применяется для интерпретации окружающего мира. Автор в выборе прототипов как бы стремится к контрасту: признаки предмета переносятся по преимуществу на человека, реже на природу, признаки, и совсем единичные конструкции объективируют внутрипредметные связи. Ср.: *И они закрыли дверь кухни, оставив Галину наедине с луной, торчащей, как дерзкая заноза* (I, 61); *Поля пурпурного мака цветут вокруг нас, ... девственная гречиха встает на горизонте, как стена дальнего монастыря* (II, 6); *Эта лавка, как корбочка любознательного и важного мальчика, из которого выйдет профессор ботаники* (II, 29).

Донорская концептосфера “Природа”

Использование природных феноменов в качестве прототипа свидетельствует об острой наблюдательности автора. Как правило, такие сравнения естественны, мотивированны, а если

речь идет о звуке, то во многом привычны: *Песня журчала, как пересыхающий ручей* (I, 57); *Скачущие эскадроны шумели в лесу, как шумит ветер, и ломали ветки* (I, 88); *Голос ее гремел, как гром в горах* (II, 186).

Звуки занимают в воображении автора гораздо менее значительное место в сравнении с перцептивными образами, формируемыми другими органами чувств. Иной способ представляют собой интерпретации визуальных признаков природными прототипами: *Стремительный луч уперся в спящего с пламенной укоризной и вывел его на Дальницкую улицу, пылающую и блестящую, как зеленая рожь на ветру* (II, 121); *ватерлинии “Камо” и “Шаумяна” цветут на голубой воде, как огонь заката* (I, 192). Несмотря на мотивированность сравнения, которая присутствует у И. Бабеля всегда, они нетривиальны, апеллируют к образному мышлению читателя: *Плесень цвела, как мрамор театральной скамьи* (I, 22); *костелы ... белые, как гречишные поля* (II, 6); *синагога круглая, как хасидская шляпа* (I, 38); *дороги текли, как струи молока, брызнувшие из многих грудей* (I, 27).

Особенно интересны в этом отношении интерпретации абстрактных признаков и понятий: – *Память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, пересекающие вселенную* (II, 34); *Таков Махно, многообразный, как природа* (I, 37); *Нас потрясали одинаковые страсти, мы смотрели на мир, как на луг в мае, по которому ходят женщины и кони* (II, 53).

Неточное на первый взгляд сравнение в первом высказывании (ведь реки питают океан) в контексте приобретает особый смысл: океан питает реки через испаряемую влагу, которая в виде дождей выпадает на землю. Так и память о матери (не сама мать) окружает нас, подчеркивает автор, аурой добра, сострадания к людям. Во втором высказывании подчеркивается противоречивость и вместе с тем цельность личности. Природа как прототип сравнения универсальна. Потому в таких оборотах обязательна экспликация основания сравнения.

Метафорическое осмысление явлений при помощи природных явлений не имеет яркой авторской специфики. Ср.: *На небе гаснет косоглазый фонарь провинциального солнца* (II, 77); *над Лешнювом встало блестящее небо, невыразимо пустое* (II, 8); *вечер взлетел к небу, как стая птиц, и тьма надела на меня мокрый свой венец* (II, 124); *утро сочилось из нас, как хлороформ сочится на госпитальный стол* (II, 113) и др.

Донорская концептосфера “Животные”

Из числа животных прототипами сравнения являются кошки, собаки, лошади, овцы, мухи. Из них наиболее многолика кошка, выступающая средством внешней характеристики человека: *Пан Робацкий широко раскрыл рот и зевнул, как кошка* (I, 29); *Живот его, как большой кот, лежал на луке, окованной серебром* (II, 63).

Концепт-прототип *кошка* в бабелевском представлении – символ безжалостности, хищности: *Обеими руками она подталкивала оробевшего мужа к дверям их брошенной комнаты и смотрела на него плотную, как кошка, которая держала мышь во рту, легонько пробуя ее зубами* (I, 123); *Я вижу тебя отсюда, неверный монах в лиловой рясе, припухлость твоих рук, твою душу, нежную и безжалостную, как душа кошки, я вижу раны твоего бога, благоухающие ядом, опьяняющим девственниц* (I, 8); *Жалеете Вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку* (II, 41).

Тонкая наблюдательность И. Бабеля над поведением животных обнаруживается и в других оборотах, где прототипом выступают собаки, овцы, мухи. *Они [старики] прыгали во сне и дрожали от сытости, как забежавшиеся собаки* (II, 147); *Аргамак пошел за нами, как собака* (II, 100); *За нами пошли, как овцы, все присяжные поверенные и дамы с брошками* (I, 117); *Немощные гости, приготовившись защищать честь Елизаветы Алексеевны, сбились в кучи, как овцы в непогоду* (I, 101); *Оно [солнце] дошло до середины и задрожало, как муха, обессиленная зноем* (II, 125); *Но сегодня мы отталкиваемся от последовательности, как от июльской мухи* (II, 192).

В этих высказываниях использованы устоявшиеся обороты: *пошёл как собака, как овца* – покорно, *как июльские мухи* – назойливые. Однако для создания образа необходим учёт всех членов сравнения. Аргамак – это привольный конь, и если он пошел как собака за бойцом, это говорит о преданности. Мало того, лошадь встретила своего хозяина через большой временной промежуток и не забыла его. Вместе с тем в последнем высказывании степень образной десемантизации фразеологического оборота недостаточна для того, чтобы характеризовать абстрактный концепт – *последовательность*.

Очень часто используемый писателем в качестве прототипа образ *птицы* устойчиво ассоциируется у него с идеей свободы, независимости, иногда это просто символ красоты или объект сочувствия. Например: *И думка полетела, как птица* (I, 63); *Евреи в жилетах, с поднятыми плечами, стояли у своих порогов, как ободранные птицы* (I, 84); *Вечер взлетел к небу, как стая птиц, и тьма надела на меня мокрый свой венец* (II, 103); *Жил себе невинный холостяк, как птица на ветке* (II, 125); *Слушая их, пастух ворочал головой, как потревоженная птица* (II, 188).

Другие концепты животного мира привлекаются И. Бабелем нечасто. Ср.: *Два еврея прыгают безмолвно, по-обезьяны...* (II, 6); *... лежу на спине, как таракан* (II, 311); *Негодная людская пыль, никому ненужная, блуждала, подобна слепым щенятам* (II, 176).

Метафоризация на основе животных признаков редка: *Поезд политотдела стал уползать по мертвой спине полей* (II, 111). Остроту, неожиданность метафорам придаёт уточнение прототипа при помощи сравнения: *они [дети] кишат, как черви на земле* (II, 420); *Вслед за Симоном-Вольфом на главную аллею, рыча и гримасничая, вывалились все тридцать стариков и старух. Они потрясали костылями и ревели, как голодные ослы* (II, 196); *Еврейские дети от историй Никитича помирали со смеху, они визжали и ластились, как щенята* (II, 175); *Луна прыгала в черных тучах, как заблудившийся теленок* (I, 152).

Выводы. Анализ концептосферы, вовлечённой И. Бабелем в компаративное моделирование картины мира, обнаруживает антропоцентричность мировидения – человек чаще всего выступает предметом сравнения и “мерой вещей” – прототипом в метафорах. Анализ концептов, выступающих в картине мира И. Бабеля предметами компаративных отношений, свидетельствует о том, что преимущественно свойства предмета описываются как онтологически присущие ему качества, из которых с помощью прототипа объективируются некоторые из них. При этом отмечается частотность конструкций, в которых предмет компаративного отношения уже изначально имеет черты образности, имманентно не присущие обозначаемым денотатам.

Анализ распределения прототипов в соотношении с предметами сравнения обнаруживает картину разноклассности, т.е. для сравнительной характеристики предмета (признака) явления избираются единицы других классов. Так, концептосфера *природа* привлекается для представления *предметов*, реже – *человека*; *предмет* – универсальная концептосфера: она может “объяснять” и *человека*, и *природу*, и *животных*. По-разному И. Бабель использует в компаративных конструкциях концептосферу *человек*: в единицах с эксплицированным основанием сравнения она возможна только в антропосфере, в метафоре же, представляющей результат, “вывод” из компаративного сопоставления, концептосфера *человек* является главным писательским “орудием” – человеческими свойствами наделен весь окружающий мир. Донорская зоны компаративных единиц писателя представлены в основном одинаковыми концептосферами, что свидетельствует об обратимости тропов у И. Бабеля; концептосферы Человек, Предметы, Природа, Животные выступают в позиции прототипа.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Русский язык : Энциклопедия ; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : БРЭ, 1998. – С. 233–236.

2. Барменкова О. П. Компаративна модель світу в російській мові та її реалізація у творах І. Бабеля : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.02 "Російська мова" / О. П. Барменкова. – К., 2003. – 20 с.
3. Будагов Р. А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого / Р. А. Будагов // Русская речь. – 1973. – № 1. – С. 31–40.
4. Герасімова Ю. В. Метафоризація в поезії і прозі І. О. Буніна : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.02 "Російська мова" / Ю. В. Герасімова. – К., 1995. – 17 с.
5. Голоюх Л. В. Порівняння як структурний компонент художнього тексту : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 "Українська мова" / Л. В. Голоюх. – К., 1996. – 17 с.
6. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин") : пособие по спецкурсу / Л. П. Иванова. – К. : ИСДО, 2000. – 54с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263с.
8. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
9. Кучеренко І. К. Порівняльні конструкції мови в світі граматики / І. К. Кучеренко. – К., 1959. – 106 с.
10. Мусиенко В. П. Введение в психолингвистику : учеб. пособие / В. П. Мусиенко. – К. : ИСИО, 1996. – 120 с.
11. Мяснянкина Л. И. Взаимодействие метафоры и сравнения в идиостиле М. А. Шолохова / Л. И. Мяснянкина // Русская филология. Украинский вестник : Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 1999. – № 5. – С. 45–51.
12. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Селіванова О. О. – Полтава : Довкілля. – К., 2006. – 716 с.
13. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
14. Табачковский В. Г. Філософсько-антропологічне питання про сутність людини у координатах постмодерну / В. Г. Табачковський // Колізії антропологічного розмислу. – К. : Параман, 2002. – С. 5–39.
15. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1976. – 270 с.
16. Шинкаренко О. В. Сравнение в языке Н. В. Гоголя / О. В. Шинкаренко // Актуальные проблемы изучения творчества А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Тезисы научно-практической конференции. – Херсон, 1989. – С. 65–66.

Источники иллюстративного материала

17. Бабель И. Э. Сочинения в 2-х томах. – М. : Художественная литература, 1990–1991. – 574 с.